
Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 9. - М.: Правда, 1977.

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 28 марта 2003 года

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Во втором часу погожего осеннего дня 186* года к подъезду деревянного особняка в одной из дальних кронштадтских улиц подъехал на извозчике капитан второго ранга Виктор Иванович Загарин, только что приехавший на пароходе из Петербурга.

Это был небольшого роста, худощавый человек лет под сорок на вид, с располагающим серьезным и озабоченным лицом, обрамленным длинными и густыми светло-русыми бакенбардами.

Одет был Загарин очень скромно.

На нем - потертое пальто, из-под отворотов которого был виден далеко не блестящий, шитый золотом, воротник мундира. На шее красовался орден. На голове была старая фуражка, чуть-чуть сбитая на затылок. В маленькой красивой руке - треуголка.

Загарин не успел позвонить, как дверь подъезда распахнулась, и моряка встретил вестовой Рябкин, молодой, красивый, чернявый матрос, сияющий здоровьем, свежий и румяный, с ослепительными зубами. Он был в синей фланелевой рубашке с открытым большим воротом, черных штанах, широких внизу и обтянутых к поясу. Опрятные ноги были босы.

- Благополучно? - с заметным нетерпением в негромком мягком голосе спросил Виктор Иванович, всегда после женитьбы задававший этот вопрос, как только возвращался домой.

- Все, слава богу, благополучно, вашескобродие!

- Виктор Викторыч и барыня гуляли?

- Есть! Прогуливались в саду, вашескобродие!

Рябкин принял треуголку и бросил на Загарина тревожный и пытливый взгляд смысленных карих глаз.

Лицо Виктора Ивановича, казалось, было спокойно.

Но Рябкин недаром же семь лет жил вестовым у Загарина и знал его самообладание. И он сразу решил, что барин "в расстройке".

Еще бы!

Он видел, что Виктор Иванович, обыкновенно добродушный, простой и веселый, особенно дома, вернулся из Петербурга таким серьезным и озабоченным, каким бывал только на мостике своего судна во время шторма или когда дома было неблагополучно.

Он обратил внимание и на то, что Загарин не летел, как всегда, в комнаты, а, напротив, словно бы нарочно замедлял шаги, поднимаясь по небольшой лестнице и проходя по галерее.

Но главное, что смутило и испугало вестового: в серых лучистых глазах Виктора Ивановича было что-то тоскливое.

И молодой матрос, всегда жизнерадостный и в последнее время совсем счастливый до глупости молодожен, - внезапно омрачился.

- Что, Рябкин? Не ожидал? - участливо спросил Загарин.

- Вышла, значит, "лезорюция", вашескобродие? - подавленным голосом промолвил Рябкин.

- То-то вышла.

И Виктор Иванович подавил вздох.

- В дальнюю, вашескобродие?

- Да. На три года.

- Ведь мы весь прошлый год были в Средиземном, а раньше три года в дальней были, вашескобродие!

- Так что же?

- Можно бы обсказать вышнему начальству, вашескобродие. Так, мол, и так...

- Ты дурак, Рябкин! - ласково промолвил Виктор Иванович.

И почему-то остановился, понюхал распутившуюся розу среди множества